

Госпожа Батист / рассказ

Category: Hekayalar, Kitapcy

написано kitapcy | 23 января, 2025

Госпожа Батист / рассказ ГОСПОЖА БАТИСТ

Войдя в пассажирский зал вокзала в Лубэне, я первым делом взглянул на часы. До прихода скорого поезда из Парижа надо было ждать два часа десять минут.

Я вдруг почувствовал такую усталость, как будто прошел с десяток лье пешком; я оглянулся вокруг, словно надеясь прочесть на стенах о каком-нибудь способе убить время, а затем снова вышел и остановился у подъезда вокзала, напряженно стараясь придумать, чем бы мне заняться.

Улица, похожая на обсаженный тощими акациями бульвар, тянувшаяся между двумя рядами домов, разнокалиберных домов маленького городка, взбиралась на что-то вроде холма; в самом конце ее виднелись деревья, словно она заканчивалась парком.

Время от времени дорогу перебегала кошка, осторожно перепрыгивая через сточные канавки. Собачонка наскоро обнюхивала подножия деревьев, отыскивая кухонные отбросы. Людей я не видел.

Мною овладело мрачное отчаяние. Что делать? Что делать? Я уже представлял себе нескончаемое и неизбежное сидение в маленьком железнодорожном кафе, перед стаканом пива, которое невозможно пить, с местной газетой в руках, которую невозможно читать, как вдруг увидел похоронную процессию: она сворачивала из переулка на ту улицу, где я находился.

Зрелище траурного шествия доставило мне облегчение. Я мог убить по крайней мере десять минут.

Но вскоре внимание мое удвоилось. Покойника сопровождали всего-навсего восемь мужчин; один из них плакал, остальные дружески беседовали между собою. Священник не участвовал в похоронах. Я подумал: «Это гражданские похороны», — но потом решил, что в таком городе, как Лубэн, вероятно, нашлось бы не менее сотни свободомыслящих и они почли бы своим долгом устроить манифестацию. Что же это тогда? Быстрота, с которой

двигалась процессия, ясно, однако, говорила о том, что усопшего хоронили без всякой торжественности и, следовательно, без церковного обряда.

Моя праздная любопытствующая мысль пустилась в самые сложные предположения; но так как погребальная колесница проезжала мимо, то мне пришла в голову шалая идея – пойти следом за восемью мужчинами. Это заняло бы меня на добрый час времени, и я с печальным видом пустился в путь за другими провожавшими.

Двое мужчин, шедших последними, с удивлением оглянулись и стали шептаться. Они, конечно, спрашивали друг друга, местный ли я житель. Затем они обратились за советом к двум, шедшим впереди, и те, в свою очередь, принялись меня разглядывать. Это пытливое внимание стало стеснять меня; желая положить ему конец, я подошел к моим соседям и, поклонившись им, сказал:

– Прошу извинить, господа, если я прерываю вашу беседу. Но, увидев гражданские похороны, я поспешил присоединиться к ним, не зная даже хорошенько, кто усопший, которого вы провожаете.

Один из мужчин произнес:

– Это – усопшая.

Я удивился и спросил:

– Но ведь это все же гражданские похороны, не правда ли?

Другой господин, очевидно, жаждал разъяснить мне, в чем дело.

– И да, и нет, – сказал он. – Духовенство отказало нам в церковном погребении.

На этот раз у меня вырвалось изумление: «Ах!». Я совсем уже ничего не понимал.

Мой обязательный сосед заговорил вполголоса:

– О, это целая история. Молодая женщина кончила жизнь самоубийством, – вот почему и нельзя было добиться, чтобы ее похоронили по религиозному обряду. Вон там, впереди, ее муж, – видите, тот, что плачет.

После некоторого колебания я сказал:

– Вы очень удивили и заинтересовали меня, сударь. Не будет ли нескромностью попросить вас поведать мне эту историю? Но если это вам неприятно, считайте, что я ни о чем не просил.

Господин дружески взял меня под руку.

– Ничуть, ничуть, – ответил он. – Давайте только немного

отстанем. Я расскажу вам эту историю; она очень печальна. У нас еще много времени, пока доберемся до кладбища; деревья его, видите, вон там, вверху, а подъем очень крут.

И он начал:

— Представьте себе, эта молодая женщина, госпожа Поль Амо, была дочерью богатейшего из местных купцов, господина Фонтанеля. Совсем ребенком — ей было всего одиннадцать лет — с нею случилось страшное происшествие: ее изнасиловал лакей. Она едва не умерла, изувеченная этим негодяем, а его изобличило собственное зверство. Начался ужасный процесс, и тут открылось, что маленькая мученица целых три месяца была жертвою гнусности этого животного. Его приговорили к бессрочным каторжным работам.

Девочка росла, заклеянная бесчестьем, одинокая, без подруг, едва удостоиваясь ласки со стороны взрослых; те как будто боялись замарать губы, целуя ее в лоб.

Она сделалась каким-то чудищем и диковинкой для всего города. «Знаете, это маленькая Фонтанель», — говорили шепотом. На улице все оборачивались, когда она проходила. Не удавалось даже найти няньку, которая водила бы ее гулять: прислуги других семей сторонились этой служанки, точно девочка распространяла заразу, переходившую на всякого, кто к ней приближался.

Жалко было видеть эту бедную крошку на главной улице, куда ежедневно после полудня сходились играть малыши. Она пребывала в полном одиночестве и, стоя возле няньки, печально смотрела на забавлявшихся детей. Иногда, уступая непреодолимому желанию присоединиться к ним, она робко делала шаг вперед и, боязливо двигаясь, украдкой подходила к какой-нибудь труппе, словно сознавая, что она недостойна их. И тотчас со всех скамеек вскакивали матери, няньки, тетки, схватывали за руку порученных их надзору девочек и грубо уводили их. Маленькая Фонтанель оставалась одна, растерянная, ничего не понимая; сердце ее разрывалось от горя, и она начинала плакать. Затем она подбегала к няньке и, рыдая, прятала лицо в ее фартук.

Она подросла, и дело пошло еще хуже. Молодых девушек отдаляли

от нее, как от зачумленной. Подумайте только, что этой юной особе уже нечего было узнавать, нечего; что она не имела больше права на символический померанцевый цветок; что она, еще и читать не научившись, проникла в ту ужасную тайну, на которую матери, трепеща, едва смеют намекнуть дочерям в самый вечер свадьбы.

Когда она проходила по улице в сопровождении гувернантки, с нее не спускали глаз, словно из непрестанной боязни какого-нибудь нового и ужасного приключения; когда она проходила по улице, всегда потупив глаза под гнетом таинственного позора, вечно ощущаемого ею, другие молодые девушки, менее наивные, чем принято думать, перешептывались, лукаво поглядывая на нее, втихомолку пересмеивались и быстро отворачивали головы с рассеянным видом, если случайно она взглядывала на них.

Ей едва кланялись. Только немногие мужчины при встрече с нею приподнимали шляпу. Матери делали вид, что не видят ее. Несколько уличных мальчишек прозвали ее «госпожою Батист» — по имени лакея, который ее опозорил и погубил.

Никто не знал тайных мук ее души, потому что она совсем не говорила и никогда не смеялась. Для самих ее родителей, казалось, было стеснительно ее присутствие, и они как будто всегда сердились на нее за какую-то ее непоправимую ошибку. Честный человек не подаст ведь с охотой руки освобожденному каторжнику, хотя бы то был его сын? Господин и госпожа Фонтанель смотрели на свою дочь, как смотрели бы на сына, вернувшегося с каторги.

Она была хорошенькая, бледная, высокая, тонкая, изящная. Она мне очень пришлась бы по вкусу, сударь, не будь этого обстоятельства.

Года полтора тому назад, когда к нам назначили нового супрефекта, с ним приехал его личный секретарь, чудаковатый малый, который, по-видимому, основательно пожил в Латинском квартале.

Он увидел мадмуазель Фонтанель и влюбился в нее. Ему рассказали все. Он ограничился ответом:

— Ба, это как раз гарантия на будущее. Я уж предпочитаю, чтобы это случилось до, нежели после. С такой женой я буду спать

спокойно.

Он начал ухаживать за нею, напросил ее руки и женился. Затем, человек с характером, он, как ни в чем не бывало, сделал свадебные визиты. Некоторые ответили им, другие воздержались. Но в конце концов все стало забываться, и молодая женщина заняла свое место в обществе.

Надо вам сказать, что перед мужем она благоговела, как перед богом. Подумайте, ведь он возвратил ей честь, создал ей равное со всеми положение, он не побоялся ничего и пренебрег общественным мнением, пошел навстречу оскорблениям, – словом, совершил мужественный поступок, на который бы не многие отважились. И она полюбила его восторженной и мучительной страстью.

Она забеременела. Когда об этом стало известно, самые щепетильные особы раскрыли перед нею свои двери, словно материнство очистило ее. Это смешно, но это так...

Все шло как нельзя лучше, но вот на днях у нас случился местный храмовой праздник. Префект, окруженный чиновниками и властями, председательствовал на конкурсе хоровых обществ; когда он закончил свою речь, началась раздача наград, и его личный секретарь Поль Амо вручал медаль каждому, имевшему на нее право.

Вы знаете, что такие дела никогда не обходятся без зависти и соперничества, из-за которых люди теряют чувство меры.

Все городские дамы находились там и сидели на эстраде.

Подошел, в свою очередь, регент города Мормильона. Его хоровой кружок был удостоен медали второй степени. Нельзя же всем присуждать первую степень, не правда ли?

Когда секретарь вручил ему знак отличия, этот человек, представьте себе, бросил медаль ему в лицо и крикнул:

– Можешь приберечь ее для Батиста! Ты должен даже наградить его медалью первой степени, как и меня!

На торжестве присутствовала масса народу, раздался смех. Люди жестоки и неделикатны; все взоры устремились на несчастную женщину.

О сударь, видели ли вы когда-нибудь, как сходит с ума женщина? Нет? А вот мы присутствовали при этом зрелище! Она трижды

вставала и снова падала на стул, точно желая бежать и видя, что не сможет пройти сквозь окружавшую толпу.

Чей-то голос из публики крикнул еще раз:

– Эй, госпожа Батист!

Поднялся невообразимый гвалт, в котором слились насмешки и возгласы негодования.

Всех охватило волнение, суматоха; все головы задвигались. Передавали друг другу прозвище; тянулись, чтобы видеть выражение лица несчастной женщины; мужья поднимали на руки жен, чтобы показать ее; спрашивали друг у друга: «Которая? Та, в голубом?» Мальчишки кричали по-петушиному; оглушительные взрывы хохота раздавались то здесь, то там.

Она не двигалась, растерявшись, продолжая сидеть на своем праздничном кресле, словно ее выставили напоказ перед всей публикой. Она не могла ни исчезнуть, ни пошевелиться, ни спрятать лицо. Ее глаза быстро мигали, словно их слепил яркий свет, и она тяжело дышала, как взбирающаяся на гору лошадь.

Сердце надрывалось при взгляде на нее.

Господин Амо схватил грубияна за горло, и они покатались по земле, среди ужасающего шума.

Торжество было прервано.

Час спустя, когда супруги Амо возвращались домой, молодая женщина, не проронившая ни слова с момента оскорбления, но охваченная с головы до ног дрожью, словно какая-то пружина привела в сотрясение все ее нервы, вдруг перепрыгнула через перила моста, и не успел муж удержать ее, как она уже была в реке.

Под сводами моста было очень глубоко. Прошло два часа, прежде чем удалось ее вытащить. Разумеется, она была мертва.

Рассказчик умолк, затем прибавил:

– Быть может, это и лучшее, что ей оставалось сделать в ее положении. Есть вещи, которых не загладишь ничем.

Вы понимаете теперь, почему духовенство закрыло перед нею двери церкви. О, если бы похороны были по религиозному обряду, пришел бы весь город! Но, понимаете, когда к старой истории прибавилось еще самоубийство, семейные люди воздержались; трудно к тому же у нас сопровождать похороны без священника.

Мы входили в ворота, кладбища. Сильно взволнованный, я дождался минуты, когда гроб опустили в могилу, и затем подошел и крепко пожал руку несчастному молодому человеку, продолжавшему рыдать.

Он с удивлением взглянул на меня сквозь слезы и произнес.

– Благодарю вас, сударь.

И я уже не жалел о том, что последовал за этим похоронным шествием.

Ги де Мопассан.

Напечатано в «Жиль Блас» 28 ноября 1882 года под псевдонимом Мофриньёз.

Символический померанцевый цветок – принадлежность свадебного убора невесты, символ чистоты и непорочности.

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 2. МП «Аурика», 1994

Перевод А.Н. Чеботаревской. Neкаýalar